

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы VII Международной
научно-методической конференции

Нур-Султан, 2019

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Нур-Султан
2019**

УДК 81'42
ББК 81.2-5
Т11

Ответственный редактор: Е.А. Журавлева

Редакционная коллегия:

Ш.К. Жаркынбекова, М.Б. Нуртазина, Г.К. Аюпова,
Д.С. Ташимханова, Э.Э. Яворская (тех. ред.)

Т11 Текст в системе обучения русскому языку и литературе:
материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.А. Журавлёва.
– Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. – 270 с.

ISBN 978-9965-31-518-3

Сборник содержит статьи участников VII Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе». Выступления участников конференции посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, особенностям его функционирования в поликультурном пространстве, проблемам интертекстуальности и интермедиальности, культуры речи, интерпретации художественного текста и переводу, внедрению новых информационных технологий в преподавание языка.

ISBN 978-9965-31-518-3

УДК 81'42
ББК 81.2-5

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019

ПАРЕМИИ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Джамбаева Ж.А.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан (Казахстан)
dzhambayeva@gmail.com*

Самотик Л.Г.

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
г. Красноярск (Россия)
samotiklg@mail.ru*

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности паремических единиц на материале произведений В.П. Астафьева. Утверждается, что функционирование паремий в художественном дискурсе обладает своей спецификой и представляет большие возможности для лингвистического анализа, поскольку напрямую связано с языковой личностью автора и отражает особенности авторского стиля и авторской позиции.

Ключевые слова: паремии, паремические единицы, пословицы, поговорки, вариативность, художественный дискурс, В.П. Астафьев.

The article discusses the structural-semantic features of paremic units on the material of the works of V.P. Astafieva. It is argued that the functioning of the paremias in artistic discourse has its own specifics and represents great opportunities for linguistic analysis, since it is directly related to the author's language personality and reflects the peculiarities of the author's style and author's position.

Keywords: paremias, paremic units, proverbs, sayings, variability, artistic discourse, V.P. Astafiev.

Сегодня становится совершенно очевидным, что текст – это ведущая единица коммуникации. Выдвижение текста в качестве главного объекта не только филологии, но и гуманитарного знания в целом обусловлено развитием полипарадигмального подхода, в центре которого находится концепция антропоцентризма.

Интерес к тексту, к анализу его формы и содержания в сфере современного преподавания русского языка определяется необходимостью совершенствования общей культуры человека. Вопрос об эффективных стратегиях, методах и технологиях работы с текстом на

занятиях по русскому языку рассматривался нами неоднократно и остается все еще в центре нашего внимания [см. 1; 2 и др.].

В настоящей публикации нам бы хотелось обратиться к вопросу филологического анализа текста. Ведь, как справедливо отмечает Н.С. Болотнова, «умение интерпретировать текст позволяет приобщаться к авторскому видению мира, дает возможность, знакомясь с текстами, путешествовать во времени и пространстве, обогащает духовно, развивает культуру речевого общения» [3: 8].

Любой текст своеобразен по своей структуре, а художественный текст вдвойне требует осмысленного подхода к пониманию его глубинного содержания, так как «восприятие художественного текста – не простое «пересаживание» его содержания в сознание читателя, не прямолинейное «извлечение» готовой информации, а творческий акт, сложный процесс художественного воссоздания действительности» [4: 45].

В качестве объекта исследования нами выбраны паремии, функционирующие в художественных произведениях В.П. Астафьева. Представляя собой квинтэссенцию народного опыта, запечатленного в специфичной языковой форме, эти единицы широко и активно используются писателем. Отмечается, что благодаря таким свойствам, как устойчивость, воспроизводимость и экспрессивность, паремии могут не просто выполнять номинативную функцию, но и придавать описанию предмета яркую оценочную характеристику, что позволяет им быть «орудием для сгущения информации» в рамках авторского микроконтекста [5: 229].

Одной из главных причин активного использования паремических единиц В.П. Астафьевым мы называем народность [6]. По нашему мнению, «народность у Астафьева прежде всего представлена через естественную, ненавязчивую передачу народного мировосприятия, проявляющегося во всем: в высвечивании определенных элементов сюжета, акцентах на теме семьи, патриархального быта и патриархальных отношений в деревне, и в авторской их оценке вовсе не бунтарской, не «человека со стороны», стремящегося к переделкам и перестройкам; в особом образе автора, как бы олицетворяющем народную мудрость и несуетность» [6: 180]. Именно такое «народное миропонимание», на наш взгляд, «тесно связано с элементами фольк-

лора: использованием пословиц, поговорок, присловий и быличек; описанием обрядов, обычаев, поверий и суеверий, примет» [6: 180].

Паремии как образные изречения, умело введенные в структуру художественного текста, дают больше возможностей для языкового творчества, которое в большинстве случаев отражается в преобразовании структуры или семантики изначальной устойчивой единицы. С этой точки зрения мы и рассмотрим паремии в произведениях В.П. Астафьева. В рамках настоящей статьи отразим результаты анализа по критерию – зафиксированность в источниках, либо «целостность исходной структуры» [5: 231].

Итак, паремические единицы, используемые писателем-народником, по названному критерию можно разделить на две большие группы. В первую группу относятся паремии, зафиксированные в словарных источниках, которые в свою очередь по принципам употребления можно поделить на два типа: 1) паремии инвариантного типа, т.е. паремии, не подвергшиеся изменениям, либо измененные в незначительной степени; 2) паремии трансформированного типа, т.е. паремии, подвергшиеся изменению структурного и семантического компонента.

К первому (инвариантному) типу паремий рассматриваемой группы можно отнести следующие примеры: *«беда приходит пудами, а уходит золотниками» («Ангел-хранитель»)* [7: 27]. В рамках авторского контекста речь идет о несчастье, которое обрушивается сразу, в большом количестве, и оттого переносится мучительно, а чтобы избавиться от него необходимо больше времени. Данную пословицу В.П. Астафьев использовал без изменений, о чем свидетельствует словарь В.И. Даля [8]. Здесь же находим пословицу *«что тупо сковано – не наточишь, что глупо рождено – не научишь» («Где-то гремит война»)* [7: 170]. Используя паремии без каких-либо изменений, писатель как бы подчеркивает, что они максимально точно могут передать позицию автора, поскольку являются известными широкой аудитории.

На наш взгляд, к инвариантному типу можно причислить и паремии, подвергшиеся несущественным изменениям, не затрагивающие глубокого структурного и семантического стержня. Это можно показать на примере пословицы *«нет той птицы, чтоб пила-ела, но не пела!» («Бабушкин праздник»)* [7: 46]. У В.И. Даля находим следую-

ший вариант: *«нет той птицы, чтобы пела да не ела»* [8]. Еще в одном источнике зафиксирован вариант: *«нет птицы, чтоб пела и не ела»* [9]. Разница между представленными предложениями лишь в вариантности союзов, семантика единиц остается тождественной друг другу. Также нередки случаи, когда меняется грамматический параметр компонента. Например, *«убоному возле богатых жить – либо плакать, либо тужить»* («Без приюта») [7: 111]. Сравним с единицей *«убоному подле богатого жить – либо плакать, либо тужить»*, существующей в словаре [8]. Как видно, здесь поменялось лишь число субстантивированного прилагательного «богатый», что также не влияет на семантику поговорки. Среди таких незначительных изменений встречается и инверсия: *«греет хлеб, а не шуба»* («Где-то гремит война») [7: 147], сравним с зафиксированными вариантами *«хлеб греет, не шуба»* [8]; *«не шуба греет, а хлеб»* [9].

Второй (трансформированный) тип первой группы включает паремии, которые подверглись более глубоким структурно-семантическим изменениям. При такой трансформации происходит замена знаменательного компонента или и вовсе меняется синтаксическая структура предложения с сохранением целостного смысла. Анализ единиц второго типа показал, что «модификации внешней формы могут быть связаны: 1) с изменением грамматической характеристики компонентов; 2) с заменой в исходной единице одного из компонентов; 3) с расширением структуры за счет новых компонентов» [5: 231]. В приведенном источнике этот тип паремий достоверно показан на примерах из повести «Веселый солдат». Так, поговорка *«на чужом горе счастья не строят»* [10] представляет собой вариант поговорки *«на чужом горе счастья не построишь»* [9]. Как видим, произошла замена глагольной формы 2-го лица на форму 3-го лица, что усиливает обобщенно-личное значение и подчеркивает универсальность данного выражения, его причастность к большому кругу лиц.

Интересным является пример трансформации следующих поговорок *«горбатого могила исправит»* и *«на бога надейся, да сам не плошай»*, зафиксированных в источниках [8; 9; 11]. Так, у В.П. Астафьева находим варианты *«горбатого и война не исправит»* и *«на командира надейся, да сам не плошай»* [10; 5: 231]. Здесь прослеживается приспособление данных устойчивых выражений к той речевой

ситуации, в которой происходит их употребление, с целью конкретизировать информацию, указать, к кому или к чему она адресована.

Отметим, что вариативность является характерным признаком паремий в произведениях В.П. Астафьева. В ходе анализа выявленные нами трансформированные варианты паремических единиц были разделены на две категории: 1) паремии, подвергшиеся только структурным изменениям; 2) паремии, подвергшиеся и структурной, и семантической трансформации. Так, к первой категории можно отнести пример использования пословицы *«лихо не лежит тихо, либо валится, либо катится, либо по волосам рассыпается»* («Бабушкин праздник») [7: 46]. В словаре В.И. Даля зафиксирован вариант данного изречения, где вместо *«по волосам»* употреблено *«по плечам»* [8]. Еще один пример *«доброму человеку сухарь во здравие, а злому – и мясо не впрок»* («Гори, гори ясно») [7: 58]. В лексикографическом источнике имеется вариант *«сухарь на пользу»* [9]. Таким образом, структурные трансформации зачастую представляют собой замену какого-либо компонента на контекстуальный синоним. На наш взгляд, можно выделить как минимум две причины такой трансформации: а) народный вариант употребления, то есть, возможно, автор использовал ту версию пословицы, которая широко распространилась в устах народа, а в словарных источниках зафиксирована в правильном варианте; б) автор намерено меняет тот или иной компонент для более точного выражения авторской позиции.

Ко второй категории паремий, можно причислить пословицу *«красна изба углами, а сибирский праздник – рыбными пирогами»* («Бабушкин праздник») [7: 42], где наблюдается структурно-семантическая трансформация, поскольку существуют зафиксированные варианты *«не красна изба углами, а красна пирогами»* [11], *«изба красна углами, обед – пирогами»* [8]. Такое изменение допущено писателем не случайно, а для того чтобы отметить лингвокультурологические особенности паремий, на основе которых можно выявить ценностно-значимые представления того или иного народа. Так, для народов, проживающих на территории Сибири, особое значение имеет промысловое рыболовство, поэтому конкретизация *«сибирский праздник»*, *«рыбными пирогами»* адаптирует паремию к контексту. Тем самым писатель намеренно меняет не только структуру, но и семантику пословицы путем расширения компонентного состава или

замены некоторых компонентов, что способствует уточнению авторской мысли.

Таким образом, анализ и интерпретация паремических единиц, входящих в первую группу – паремии, зафиксированные в словарных источниках, – показал, что для творчества В.П. Астафьева характерно активное использование народных пословиц и поговорок, нашедших отражение в лексикографических источниках. При этом писатель допускает структурно-семантические изменения таких единиц, чтобы подчеркнуть значимость отдельных элементов, показать, как паремии заполняют конкретное пространство текста, каким образом способствуют расстановке смысловых акцентов, как характеризуют и оценивают изображаемое, отображая одновременно авторское отношение к героям и событиям.

Вторая группа включает паремии, незафиксированные в имеющихся на сегодняшний день словарных источниках. С одной стороны, мы бы назвали их поистине народными, поскольку они передаются из уст в уста, однако еще не до конца описаны, что в свою очередь и подтверждает актуальность изучения паремий. С другой стороны, такие паремии являются свидетельством писательского мастерства, поскольку могут быть созданы самим автором, демонстрируя богатство и выразительность его языка.

Паремии второй группы мы рассмотрели с точки зрения их тематики, поскольку они в большинстве своем характеризуют различные жизненные аспекты героев произведения в частности и жизненные аспекты всего русского народа в общем. Нам удалось разделить анализируемые паремические единицы на четыре группы:

1) паремии, описывающие быт крестьян: *«хорошо везёт, да часто копыто отряхивает»* [7: 9]; *«сено стравить – коров не доить»* [7: 5]; *«казённа еда, не освящённая вода»* [7: 156]; *«бог уродил, бог людям угодил»* [7: 221] и др.;

2) паремии, характеризующие человека (группу людей): *«если б ему пёсий хвост, так он бы сам себя до крови исхлестал»* [7: 86]; *«родня от старого бродня»* [7: 142]; *«опростается и оглянётся: нельзя ли в квас положить?»* [7: 156]; *«глазом влепит – что камнем придавит»* [7: 157] и др.;

3) паремии, служащие утверждениями: *«мир без войны пригладен как он есть»* [7: 3]; *«цена не по летам, а по делам»* [7: 31]; *«что из*

воды да по воде плывёт – то бог даёт» [7: 119]; «скоко кобылке ни прыгать, а в стойле быть» [7: 138]; «у чужой иконы не намолишься, с чужого стола не накормишься» [7: 156]; «беда как полая вода: польёт – не удержишь» [7: 178]; «бог создал любовь и дружбу, а чёрт – железнодорожную службу» [7: 209] и т.п.;

4) паремии, служащие наставлениями: *«живи не тужи, жди холоду в петровки» [7: 94]; «не будь лишку к людям приметлив, будь лучше к людям приветлив» [7: 176]; «всякой пуле голову не подставляй» [7: 225] и др.*

Таким образом, пословично-поговорочные выражения второй группы не менее активны в творчестве В.П. Астафьева. Они необходимы писателю для маркировки или оценки персонажа, события, факта.

Исследование структурно-семантических особенностей паремий в художественном тексте имеет существенное значение для его лингвистического анализа. Функционирование паремий в художественных произведениях обладает своей спецификой и напрямую связано с языковой личностью автора, что проявляется в особенностях авторского стиля и авторской позиции. Паремии являются неким строевым элементом смысловой стороны текста и, фиксируясь в подсознании читателя, приобретают иное осмысление.

Литература

1. Джамбаева Ж.А. Текстocентрический подход в обучении русскому языку // Проблемы изучения и преподавания русского языка в Российской Федерации и за рубежом: сборник материалов междунар. научн.-практ. конф. / Отв. ред. Л.В. Климина. – Стерлитамак, 2018. – С. 24-29. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36847750> (дата обращения 10.05.2019).

2. Джамбаева Ж.А. Технологии критического мышления в обучении русскому языку на основе текста // Образование. Язык. Межкультурная коммуникация: сборник статей по материалам всеросс. научн.-практ. конф. – Пермь, 2018. – С. 37-43. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36992550> (дата обращения 10.05.2019).

3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.

4. Новиков Л.А. Искусство слова. – 2-е изд. – М.: Педагогика, 1991. – 141 с.

5. Творчество В.П. Астафьева как воплощение национального и регионального самосознания: монография / Под ред. Л.Г. Самотик и Т.Н. Садыриной. – Красноярск, 2016. – 314 с.

6. Самотик Л.Г. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет // Научный ежегодник Красноярского гос. пед. университета им. В.П. Астафьева: сборник статей /Отв. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск, 2002. – С. 179-193. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24433643> (дата обращения 15.05.2019).
7. Астафьев В.П. Последний поклон: повесть в рассказах. – М.: Эксмо, 2006. – 848 с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Русский язык, 2003. – 616 с. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://vdahl.ru/word> (дата обращения 17.05.2019).
9. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М.: Сьюита, 1996. – 543 с. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://spbplib.ru/catalog//4185199> (дата обращения 17.05.2019).
10. Астафьев В.П. Веселый солдат: повесть. – Санкт-Петербург: Амфора, 2015. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <http://modernlib.net/books/> (дата обращения 18.05.2019).
11. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с. // Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://nashol.com/201801249861> (дата обращения 18.05.2019).

«ТЕКСТ ДЕТСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ДУМБАДЗЕ И А. ПРИСТАВКИНА

Жапанова М.Е.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан (Казахстан)
marzhan.eni@gmail.com*

В статье осуществлен опыт рассмотрения образа ребенка военного периода на материале художественных текстов грузинского и русского писателей Нодара Владимировича Думбадзе «Я вижу солнце» и Анатолия Игнатьевича Приставкина «Ночевала тучка золотая», что обусловлено спецификой общего историко-культурного пространства, в котором реализовался образ детства.

Ключевые слова: историко-культурное пространство, автобиографичность, символ, мотив, мифологизм.

In offered article was realised the experience of consideration of an image of the child of the military period on a material of the texts of the Georgian and Russian writers N.V.Dumbadze "I see the sun" and A.I.Pristavkina "The gold cloud overnights".